

Глава 16. Обезглавливания не боишься, а гудка испугался

В панике Рейнхарт почувствовал, как чья-то рука крепко схватила его, и в следующее мгновение он упал во что-то твёрдое, тёплое и упругое.

Знакомый запах мгновенно окутал его, но юноша был слишком потрясён, чтобы о чём-то думать.

Лишённый зрения, он обладал обострёнными чувствами. То, что для обычного человека было лишь громким гудком корабля, для него прозвучало как оглушительный взрыв звуковой бомбы, от которого буквально заложило уши.

Звуковая волна отозвалась болезненной вибрацией от барабанных перепонки до самого сердца. Рейнхарт, скорчившись, в панике зажал уши ладонями. Но они находились на верхней палубе, на открытом пространстве, где сигнал принимался с максимальной силой, и одних рук было недостаточно. Когда Сын Бога, стиснув зубы, уже готовился перетерпеть боль, его тело внезапно оказалось в кольце широкой груди.

На его уши легли ладони, гораздо больше его собственных. словно двойная защита, они вместе с крепкими руками укрыли Рейнхарта от звуковой волны, умиряя его дрожь и страх.

Было только немного жарко и тесно.

Выражение лица Бастера в этот момент стало странным.

Он и раньше прикасался к людям — тащил, хватал, — но такого настоящего, полноценного объятия в его жизни, кажется, ещё не было.

Тепло и мягкость чужого тела передавались через ткань. Бастер, которого гудок несколько не беспокоил, опустил взгляд на Сына Бога. Последние лучи заката нежно ложились на золотые волосы юноши, и свет, играя в прядях, походил на расплавленное золото, придавая каждому локону тёплое сияние.

Мужчина невольно затаил дыхание, наблюдая, как золотые искорки пляшут в волосах Рейнхарта, словно живые, колыхаясь в такт его дрожи.

От него исходил лёгкий аромат, который, смешиваясь с морским бризом, то и дело затрагивал затихшие струны в душе главы «Бури».

Бастеру этот запах казался знакомым: кажется, у Мадонны или у какой-то другой женщины на корабле были похожие духи. Но здесь чувствовалось и нечто иное — какая-то безмятежность и мягкость, которая окутывала его, приковывая всё внимание к Рейнхарту.

Внезапно свернувшийся в его объятиях «черепашенок» шевельнулся, пытаясь высвободиться.

Только тогда Бастер заметил, что гудок уже давно стих.

Он на мгновение замер, а затем разжал руки. И хотя его поступок был продиктован добротой, язык всё равно не удержался от колкости.

— Обезглавливания не боишься, а гудка испугался. Все боги такие неженки?

Но мягкий Рейнхарт не обиделся. Он спокойно поблагодарил своего спасителя.

— Спасибо, — а затем добавил: — Пожалуйста, отпусти меня.

Эта спокойная, как стоячая вода, реакция мгновенно пробудила в Бастере дух противоречия.

Он холодно хмыкнул, и руки, которые он уже собирался убрать, снова легли на талию Рейнхарта. Тот попытался встать, но широкая ладонь на его спине слегка надавила, и он снова опустился на колени к мужчине.

Яркий подол платья-русалки распустился у ног Сына Бога. С распущенными волосами он сейчас походил на барышню, похищенную предводителем банды и запертую в его объятиях. Грубые пальцы Бастера случайно скользнули по изгибу талии, и сквозь тонкую ткань он отчётливо ощутил её хрупкость и гибкость.

При движении несколько прядей зацепились за блестящую пуговицу на одежде главы «Бури», словно не желая расставаться.

Один — типичный «стальной» мужчина, в голове которого не было и мысли о том, насколько двусмысленна эта поза, только радость от возможности подразнить собеседника. Другой — наивный и чистый, не имеющий ни малейшего представления о подобных вещах, ощущающий лишь досаду и лёгкое замешательство.

«Этот глава «Бури»... кажется, он нуждается в психиатрическом лечении куда больше, чем я»

Не зная, что в глазах некоего Сына Бога его репутация упала до минимума, господин предводитель продолжал свои игры. Он помахал лентой перед лицом Рейнхарта, но вовремя вспомнил, что тот не видит.

— Твоя лента, уже не нужна?

Добрый Бастер нарочно провёл шёлком по лицу юноши.

Гладкая ткань коснулась губ, которые наконец-то обрели здоровый румянец.

Стало щекотно. Рейнхарт инстинктивно втянул шею, и лента, следуя за поворотом его головы, медленно скользнула по щеке. Золотые пряди у висков взметнулись, и с ракурса Бастера стали видны чёткие линии ключиц и округлая мочка уха.

Круглая, даже какая-то милая.

Лента, подхваченная морским бризом, качнулась между ними и вдруг коснулась губ Бастера, принеся с собой едва уловимый аромат Рейнхарта.

Юноша, повернув голову, по-прежнему не открывал глаз. Он молча протянул руку, пытаясь наощупь поймать ленту, но вместо неё коснулся самого предводителя банды.

Кончики его пальцев прижались к чужим губам. Пока Бастер пребывал в оцепенении, Рейнхарт ощупал его щеку.

Поняв свою ошибку, он слегка сжал пальцы и в панике дотронулся до кончика его носа.

Это было ужасно. Рейнхарт почувствовал, что повёл себя крайне невежливо, и поспешно отдернул руку.

В процессе он случайно задел ленту. Словно по наитию, он ухватился за её кончик и, не встретив сопротивления, вытянул её из рук Бастера.

Тот пришёл в себя и, не став спорить из-за ускользнувшей ткани, нахмурился и слегка сжал талию Рейнхарта.

Пока Сын Бога молча размышлял, как от него отделаться, мужчина, обняв его, внезапно встал.

— Пошли. — Поднявшись из кресла, он аккуратно поставил Рейнхарта на пол и, потягиваясь, посмотрел на море, в котором уже утонул закат. — Пора ужинать.

Мысли и действия этого человека были настолько скачкообразными, что Сын Бога, не в силах угнаться за его логикой, сосредоточился на настоящем и вежливо отказался от предложения.

— Я уже сыт.

Только что он съел полкуска торта, три печенья и выпил чашку чая.

На лице главы «Бури» отразилось крайнее недоумение.

— Ты что, воздухом наелся?

Чем эта еда отличалась от воздуха? Разве что в зубах застрять.

Рейнхарт промолчал.

Сохраняя терпение, он покачал головой и серьёзно ответил:

— Спасибо за заботу, но я действительно уже сыт.

Бастер хмыкнул.

— Ты хоть знаешь, сколько вешишь? Тебя к палке привяжи — будешь флагом на ветру!

Без преувеличения, когда Бастер нёс его, он почти не чувствовал веса. Да и в бёдрах совсем никакой плоти — никакого удовольствия для рук.

Затем Бастер скрестил руки на груди и, наклонившись, приблизился к лицу Рейнхарта.

— Пойдёшь сам или мне тебя понести? — Он ухмыльнулся, обнажив зубы в наглой, властной улыбке. — Выбирай.

<http://bllate.org/book/13471/1691069>